

— ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ —

УДК 398.22(=19)(091)

А. К. Егиазарян

Русско-армянский университет

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЭПОСА «ДАВИД САСУНСКИЙ»

Аннотация. История эпоса в настоящей статье понимается как история формирования и внутреннего развития эпоса. Возникновение эпоса – результат работы многих поколений сказителей и слушателей. Но формирование связано с конкретным временем, когда все первоначальные элементы – мифы, исторические предания, конкретные исторические события – соединяются в едином эпическом произведении. В статье кратко характеризуются эти процессы. Автор четко разделяет возникновение мифов (доисторические времена) и формирование эпоса. Это связано с пониманием мифа и эпоса как взаимосвязанных, но разных жанров фольклора. Миф занимает свое место в структуре эпоса, но в эпосе он преобразуется, развивается, получает эпические черты, теряя первоначальный вид. Рассматриваются также косвенные данные, сохранившиеся в книгах средневековых авторов и некоторые исторические факты, проливающие свет на проблему времени формирования «Давида Сасунского». В эпосе отец близнецов носит имя «Багдадский халиф». Но город Багдад основан в VIII в. нашего летосчисления, а титул «халиф» связан с созданием арабского государства, которое произошло не ранее VII в. Обращено внимание на то, как мифические герои принимают эпические черты, действуют по законам нравственности, связанным с христианством и средними веками. С этой точки зрения анализируются некоторые действия Санасара – главного героя первой ветви эпоса. На основании всего этого автор приходит к выводу, что традиционная в армянской науке точка зрения, что «Давид Сасунский» сформировался в VIII-XII вв., сохраняет свою справедливость.

Ключевые слова: эпос, Давид Сасунский, миф, мифические корни эпоса, непорочное зачатие, братья-близнецы, культ воды, средние века, время формирования эпоса, армянская историография, португальские путешественники.

А. К. Eghiazaryan

Some historical aspects of the epic “David of Sassoun”

Abstract. This paper considers the history of epics as the history of the formation of epics and of their inner development. The origin of epics is a result of the work of many generations of tellers and listeners. However, the formation is connected with specific periods, when the primary elements – myths, historical plots and memory of real historical events – entered a new unity and composed some epic creation. The paper provides a brief characterization of these processes. The author clearly separates the origin of myths (prehistoric times) and the formation of epics. For him, myths and epics are principally different genres of folklore. Myths take their place in the epic's structure, but they change according to the epic whole. The author also explores the indirect facts in the books of the medieval Armenian writers, some historical facts, shedding light on the problem of the formation of David of Sassoun”. In the epic, the father of twins – Sanasar and Baghdasar, bears the name Khalif of Bagdad / Baghdadi Khalif. The twins are mythical heroes. But the name of their father is associated with the 7-8 centuries.

ЕГИАЗАРЯН Азат Комунарович – д. филол. н., проф., зав. каф. армянского языка и литературы Русско-армянского университета, Ереван, Армения.

E-mail: azatyeghiazaryan@yahoo.com

EGHIAZARYAN Azat Komunarovich – Doctor of Philological Sciences, Prof., Head of the Armenian Language and Literature chair, Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia.

E-mail: azatyeghiazaryan@yahoo.com

Khalif is the title of Arab rulers, hence it could have arisen only after the 7th century, when the Arab state arose. And Baghdad was founded in the 8th century. These facts mean that the mythical plot of the twins entered the epic after these centuries. The author also analyzes the image of Sanasar and shows that this mythic hero acts in the epic as the representative of the Middle Ages, as a man, for whom the knightly values were very important. The author comes to the conclusion that the traditional point of view about the period of formation of this Armenian epic being the 8-12 centuries is valid up to our days.

Keywords: epic, David of Sassoun, myth, mythical roots of the epic, epic formation time, twins, virgin birth, cult of water, Armenian historiography, Middle ages, Portuguese travelers.

Введение

Что такое история эпоса? Когда речь идет о письменном тексте, то его история – не что иное, как история восприятия данного текста читателями (что само по себе весьма интересная область литературоведческих изысканий). Сам текст уже не меняется (в средних веках переписчики искажали текст по своему усмотрению – но это другой вопрос). Записанный текст не может иметь внутреннего развития. Дело обстоит иначе, когда мы имеем дело с фольклорным произведением – с эпосом, особенно с таким, который дошел до нас в устном виде.

«Давид Сасунский» – классический пример такого произведения. В эпосоведении говорится о больших отрезках времени его существования – от тысячи лет до нескольких тысяч. Доходят до доисторических времен. Об этом у нас речь будет ниже. В данном случае важно то, что эпос жил устной жизнью много столетий. Т. е., он менялся и развивался. Условно можно говорить о смерти эпоса после того, как он переходит к новой форме бытования – к письменной, становится книгой. Но книжная жизнь – это другая форма жизни эпоса. Как любая другая книга, записанный эпос уже не меняется, но меняется его восприятие – в зависимости от времени, от вкусов, возраста и т. д. читателя. В данном случае я имею в виду именно изменения текста в течение многих веков устного существования.

Мифические корни

Есть эпосы, в которых легко находить приметы определенных событий или эпох. Скажем, большая часть сербских эпических песен. Здесь мы видим не только приметы эпох (борьба против турок), но и упоминания исторических личностей, как Марко Королевич [1]. Одно из действующих лиц русских былин – князь Владимир Красное Солнышко, деятель русского Средневековья [2]. Не говорю уже о французском и испанском эпических поэмах, главные герои которых – Ролан и Сид, довольно убедительно идентифицируются с реальными политическими деятелями своих стран [3, с. 277].

В армянском эпосе тоже есть указания на определенную политическую эпоху – эпоху борьбы против арабских захватчиков. Главный мотив третьей ветви этого эпоса – именно борьба против арабов. Армянское эпосоведение давно уже обратило внимание на это, упоминается даже конкретное событие, которое могло стать непосредственным толчком к возникновению эпических песен – восстание сасунских горцев 851 г. против арабов. Но эпос состоит из четырех ветвей, и поэтому встают вопросы о происхождении остальных трех ветвей, в которых исторических ориентиров нет. Зато в них достаточно явно ощущаются мифические мотивы, иногда уходящие корнями в глубины истории и доисторических времен [4, с. 6-11]. Но мы получили единое эпическое повествование. Как согласовать средневековые мотивы с архаикой, между которыми лежат тысячелетия? На какой основе могли бы объединиться эти разнородные эпические мотивы?

Можно опереться на древние мифические мотивы и отнести возникновение эпоса к мифическим временам (так поступают многие). Кратко остановлюсь на некоторых из них, чтобы понять их соотношение с третьей ветвью и с целостностью эпоса. Главные герои первой ветви эпоса – близнецы Санасар и Багдасар, как и подобает истинно мифическим героям, рождены от воды – их мать Цовинар попила воды из волшебного источника и забеременела. Такое чудесное рождение героев – древнейший мотив, который, кстати, имеет свою параллель – непорочное зачатие Христа и своей древностью не уступает древнееврейскому мифу. Но тут вмешивается история. В Библии излагается сюжет о том, как два брата – сыновья ассирийского короля

Синнахериба убили своего отца и бежали в Армению. Это – исторический факт и имел место в VII-VI вв. до рождения Христа. Таким образом, миф и исторический факт сопрягаются и входят в эпос в таком виде.

Но при том необходимо отметить, что культ воды имел в Армении (как и в других восточных культурах) глубокие корни и влияние. Потомки Санасара, тот же Давид не теряют связь с мифом. Давид обретает свою истинную богатырскую силу после того, как пьет из Молочного источника, его конь тоже имеет морское происхождение [5, с. 96-104].

Древние корни имеет и миф о прикованном герое. История Прометея известна во всем мире. В армянской же мифологии мы имеем сначала миф Артавазда, исчезнувшего в пещерах Масиса (Арарата). Он был проклят отцом. Мгер же Младший ушел в пещеру скалы Аграву кар (Воронь камень), тоже после проклятия отца. Уже по этому беглому перечислению видно, что этот миф тоже продукт седой древности. В VI в. до рождения Христа миф о Прометее уже был достаточно известен и стал предметом литературной обработки (трагедия Эсхила).

Уже на основании этих примеров можно сделать вывод о древности мифических мотивов армянского эпоса. И, конечно, очень соблазнительно, опираясь на эти и другие факты, сделать вывод о том, что армянский эпос возник в доисторические времена. Но даже имена героев и географические названия эпоса говорят о том, что в те далекие времена эпоса еще не было. Т. е., приведенные факты говорят о возрасте мифов, но не эпоса. К сожалению, в эпосоведении эти два явления часто путаются.

Есть и другая сторона этого вопроса. Если ставится вопрос о происхождении эпоса, то надо учесть, что эпос (все эпосы) создаются не одномоментно. Требуется много времени, чтобы разнородные материалы объединились в одно произведение – десятилетия и века, и поэтому в привычном смысле о времени возникновения эпоса говорить трудно. Но есть периоды в истории эпосов, когда они окончательно принимают тот облик, который более или менее неизменно сохраняется в веках или записывается. Это обстоятельство особенно важно, когда мы говорим о «Давиде Сасунском», который вобрал в себя столько разновременных сюжетов и историй. Т. е., в этом случае надо говорить не о времени создания или возникновения эпического памятника, а о времени его формирования. И проблемой науки становится определение этого времени.

Миф и история в «Давиде Сасунском»

Как соединились мифы и сюжеты, связанные с определенным историческим временем? И что послужило тем волшебным зерном, вокруг которого формировался эпос? И вообще закономерно поставить вопрос об этом зерне, о сердцевине эпического памятника? Думаю, да, особенно если это касается «Давида Сасунского». И определение сердцевины поможет нам разобраться не только в истории эпоса, но и познать некоторые его художественные особенности.

Попробуем уточнить, когда появились первые упоминания об эпосе и с каким героем они связаны. Выше было сказано, что антиарабские восстания дали толчок к формированию третьей ветви эпоса. Т. е., антиарабская борьба становится центральной темой этой ветви, и героем этой борьбы является Давид. Если это так, то можно утверждать, что формирование эпоса начинается в VII-XI вв., и ветвь Давида становится сердцевинной всего эпоса. Можно допустить, что все элементы эпоса уже были в это время, и нужно было только то волшебное зерно, каковым и стали подвиги Давида.

Приведем несколько аргументов в пользу этого предположения. Сначала обратим внимание на те названия эпоса, которые записали из уст сказителей собиратели. Часть вариантов известна под названиями, связанными с местностью или с семьей: «Сасна црер» («Сасунские безумцы»), «Джоджанц тун» («Семья великанов»), а названия других вариантов связаны с именем Давида («Давид Сасунский и дверь Мгера», «Давид и Мгер», «Тлол Давид и Мгер»).

В свете нашей темы особый интерес представляют записи португальских путешественников, через Армению ехавших в Азию. Об этих записях написано много, но на одно важное обстоятельство никто не обратил внимания, хотя издатель этих записей Роберто Кюльпенкян специально подчеркнул это. Вот его слова: «Можно предположить, что то, что сообщает Афонсо (португальский путешественник. – А. Е.), в своей основе то, что рассказывали в Азо (город в Сасуне. – А. Е.) в XVI в. Если это так, надо заключить, что в XVI в. не были известны ни предки,

ни потомки Давида» [6, с. 298]. Отсюда можно сделать два вывода – или ветви Санасара, Мгера Великого и Мгера Младшего в это время еще не вошли в эпос, или Давид и его дела были настолько важны для жителей Азо, что они просто не обращали внимания на других героев и о них не сообщили путешественникам. В обоих случаях подчеркивается особая важность образа Давида. В XVI в. все основные действующие лица эпоса должны были быть известны сасунцам, а история братьев-близнецов после более чем тысячи лет христианской истории точно не могла быть неизвестна им. Впрочем, чуть ниже мы будем говорить об этом. Но сасунцы предпочитали рассказывать о Давиде. Мы вынуждены оставаться в границах этих предположений. У нас нет возможности более точно узнать, какой вид имел эпос в XVI в. Но данный факт дает много пищи для раздумий эпосоведам. Главный вывод из этого факта – Давид был самым известным и самым любимым эпическим героем на родине эпоса. Значит, возникновение ветви Давида сыграло очень важную роль в формировании эпоса. Из этого следует, что формирование «Давида Сасунского» начинается в период арабских завоеваний.

Теперь несколько побочных фактов в пользу этого вывода. Имени Давид среди армян не было до принятия христианства. Во всяком случае, в трудах армянских историков V в. ни один армянский деятель не выступает под таким именем. В «Истории» Мовсеса Хоренаци [7, с. 15, 34, 125], написанной в V в., упоминаются три Давида, и все – не армяне. Один раз Хоренаци прямо ссылается на Библию. Все это значит, что имя главного героя эпоса вошло в быт армян после принятия христианства в IV в., при том должно было пройти некоторое время, чтобы это имя стало своим, родным (иначе любимый эпический герой вряд ли получил бы это имя). Известно, что после принятия христианства имя это распространилось среди армян. М. Абемян приводит большой список Давидов средневековой Армении. Можно допустить также, что известный эпизод Библии – единоборство Давида и Голиафа – имело значение в «выборе» имени главного героя эпоса. Этот эпизод должен был жить в памяти армян достаточно долго, чтобы эпический герой ассоциировался с библейским великаном. Т. е., популярность имени можно связать с временами арабского нашествия.

Но самое интересное то, что следы данного периода ясно различимы и в «мифологических» ветвях эпоса, в частности в ветви Санасара и Багдасара. Рассмотрим возникновение географического названия Сасун. Когда это название возникло, когда вошло в сознание армян? Об этом мы можем судить только по книгам армянских историков. И самым полезным из них может быть книга автора IX в. Товма Арцруни. Вспомним еще раз, что ко времени создания этой книги в армянской литературе не было никаких упоминаний о «Давиде Сасунском». В «Истории» же Товма есть несколько отрывков, близких по содержанию к эпосу. Здесь кратко остановлюсь на отрывке, связанном с историей братьев-близнецов. История Сасунского дома в этой книге начинается с побега братьев в Армению. У других армянских историков, писавших о братьях, о создании Сасуна и о самом названии этой местности ничего нет. Фактически в «Истории» Товма впервые говорится о Сасуне. История создания Сасуна получает те очертания, что в эпосе. Вот этот отрывок: «Эти – крестьяне из Асорестана, которые вслед за Адрамеликом и Санасаром – сыновьями асорестанского короля переехали в Армению и назвали себя Санаснайк именами братьев» [8, с. 137]. Это – первое упоминание этого географического названия в армянской литературе, правда, еще не в современной форме. Но связь между словами «Санаснайк» и «Сасун» очевидна. В любом случае «Сасун» до Товма в литературе не упоминается.

В армянском эпосоведении на это не обращали внимания. Больше того, Манук Абемян, один из корифеев армянской филологии, везде использует название «Сасун», говорит он о временах Хоренаци или о IX и последующих веках. «Во времена этого историка (Товма. – А. Е.) и, конечно, и до этого, не только князья, но и простые люди, выводили свое имя из имени Санасар» [9, с. 382]. Почему «конечно»? Нет ведь никаких указаний на то, что до Товма, т. е. до IX в. имя «Сасун» было известно армянам. Хоренаци говорит о двух братьях, но ни слова у него нет о географическом названии.

Теперь обратим внимание на имя отца Санасара и Багдасара – Багдадский халиф. В эпосе халиф – язычник, поклоняется идолам. Идолы в первой ветви играют важную роль. Но вот владетель Багдада выступает под титулом халиф. Известно, что халиф – титул мусульманского властелина. А мусульманство как религия возникло в VII в. Следственно, арабы могли принять

ислам только после этого события. Что получается? В образе халифа сочетаются черты идолопоклонства и титул мусульманина. Значит, отец близнецов мог превратиться в халифа только после VII в. Дальше нетрудно выяснить, что сам город Багдад возник в VIII в., в то самое время, когда арабы властвовали в Армении, и через сто лет сасунцы должны были восстать против арабов. Таким образом, миф о близнецах и событие глубокой древности (убийство Синнахериба его сыновьями), объединенные в один сюжет, вошли в армянский эпос в облике, полученном не раньше VII-VIII вв.

Нам важно проследить изменения этого сюжета в армянских источниках. Хоренаци сообщает о побеге братьев после убийства отца в Армению в ряду других исторических фактов. После Хоренаци еще два армянских автора упоминают это событие. О Товма Арцруни уже говорили. Добавим только, что об убийстве Синнахериба он не говорит (возможно, думает, что все его читатели знают это из Библии). Он только сообщает, что крестьяне, бежавшие из Асорестана, поселились вокруг горы Хут. Это и был Сасун – самоназвание беженцев Санаснайк превратилось в Сасун.

В контексте наших размышлений интереснее другая книга, созданная почти в то время, когда Товма писал свою книгу – «История Анонимного Повествователя». Книга состоит из двух частей. Первую часть книги, по мнению ее переводчицы М. Дарбинян-Меликян, «можно датировать IX-X веками. Вторая часть дошла до нас в том виде, в каком она существовала после XII в.» [10, с. 35]. В первой части этой книги нас интересует небольшой отрывок, который относится к братьям-близнецам: «Отправился Сеннахирим в Дамаск, и в то время, когда он поклонялся идолам ассирийским, убили его мечом два сына его, Амагек и Санасар» [10, с. 35]. Подчеркнем еще раз, что эти строки, согласно М. Дарбинян, написаны в IX-X вв., т. е. тогда, когда формировался эпос. Теперь присмотримся к содержанию. Здесь мы находим небольшую, незначительную для истории деталь – братья убивают отца, когда он поклонялся идолам. Эта деталь отсутствует в повествованиях других армянских историков. Но она ближе к тому, что рассказано в Библии. Здесь тоже братья убивают отца, когда он молился своему богу. И эпос представляет убийство почти так же. Например, из варианта Таронци Крпо: Санасар не успевает убить отца во время первого поклонения. Потом просит второй раз поклониться: «И нанес удар палицей, и отец на семь саженой ушел в землю». Здесь стоит обратить внимание еще на одну деталь: в Библии отец близнецов поклоняется своему богу, а в книге историка и в эпосе – своим идолам. Это тоже сближает книгу Анонимного Повествователя и эпос.

Ясно, что эта подробность в книге историка и в эпосе имеет одинаковое происхождение. И общим для книги и эпоса источником является Библия. Но не забудем, что в книге и эпосе деталь появляется почти одновременно – в IX-X вв. Деталь отсутствует в книгах других историков. Возможно, это случайное совпадение. Но вполне допустимо также, что эта подробность перешла из зарождающегося эпоса в книгу. Обратное маловероятно, потому что создатели эпоса вряд ли так хорошо знали литературные источники, чтобы что-то перенять у них. А автор книжного текста мог бы знать складывающиеся сюжеты эпоса, особенно, если учесть, что он, автор, по мнению М. Дарбинян, был собирателем устных повествований и таким образом общался с эпическим фольклором.

Этот вывод имеет двоякое значение для нашей темы: 1) показывает ход формирования одного из важных сюжетов первой ветви, 2) укрепляет тезис о том, что формирование «Давида Сасунского» (или его начало) связано с VIII-X вв.

В армянском эпосоведении есть и другая точка зрения, согласно которому «Давид Сасунский» возник в древние времена. Приведу мнение М. Абеяна. Он как будто ясно отделяет «Давида Сасунского» от древнего эпоса, называя его новым. Но его точка зрения имеет свою внутреннюю противоречивость: «Наш этот новый эпос хранит воспоминания в основном с X-XIII вв. [...] Но возникает вопрос – наш эпос полностью ли образован под влиянием событий половины IX в., или существовал и до этого и только под влиянием событий этого века подвергся сильным изменениям, так, что кажется, что создан именно в этом веке. Думаю, наш эпос древнее как в своих составных частях, так и общим духом. В нем еще живут эпизоды нашего старого эпоса, а также несколько древних легенд и мифов» [8, с. 380]. Удивительно непоследователен Абеян в своих размышлениях. Если по общему духу «Давид Сасунский»

древнее, в чем же его новизна? В конце концов, что из себя представляет этот эпос как художественное целое? Вообще в армянском эпосоведении проблема «Давида Сасунского» как целостного художественного произведения не привлекала особого внимания. И Абебян не ставит этот вопрос, его интересует возраст мифов, так или иначе вошедших в состав эпоса. Настолько для него неважно художественное целое, что даже признавая «сильные изменения» эпоса, происшедшие под влиянием событий X-XIII вв., он все равно настаивает фактически на архаичности «Давида Сасунского». Архаические элементы в армянском эпосе есть, но его облик определяют те самые сильные изменения, о которых говорит Абебян. Почему и мне кажется, что термин «формирование» больше подходит к армянскому эпосу, чем термин «созидание». Эпос формировался в VIII-XII вв. из разнородных элементов и стал единым художественным произведением.

Еще одно высказывание Абебяна привлекает внимание: «Этот эпос был создан в древние времена, но пелся и рассказывался в народе вплоть до 1930-х гг. Поэтому и называется новым народным эпосом. Этот эпос был счастливее наших древних эпосов, мы имеем много вариантов его». Но он никак не задается вопросом – почему именно этот эпос жил так долго в народе, в отличие от древних эпосов, хотя тоже «был создан в древние времена» [8, с. 325]. При том, все предшествующие эпические памятники, которые имеет в виду Абебян, были записаны еще в средневековье, но тем не менее не остались в памяти народа.

Возражения вызывает еще одно утверждение Абебяна: «Этот наш новый эпос – порождение Сасуна. В нем два-три отрывка «Персидской войны», развиваясь как местный эпос – «Таронская война», в дальнейшем, неся новые политические влияния, стали сасунским эпосом, основанным на настоящей и фальшивой истории. Этот эпос развивался на основании истории тех мест IX-XIII вв.» [10, с. 382]. В свете нашей проблемы эти строки тоже достаточно противоречивы. Во-первых, непонятно, зачем надо так жестко связывать очень разные эпические памятники. «Персидская война» и «Таронская война» – эпические памятники, предшествующие «Давиду Сасунскому» и в жанровом, и художественном отношении сильно отличающиеся от «Давида Сасунского». Не вдаваясь в подробный анализ этих слов, скажу только, что они подтверждают, что в армянском эпосоведении вопросы, связанные с формированием «Давида Сасунского», не изучены глубоко, временами даже и не поставлены.

При изучении этих проблем возникает еще один интересный вопрос – история Санасара и Багдасара пришла в армянский эпос из Библии или из фольклорных источников? Окончательных ответов на этот вопрос дать невозможно, но имена действующих лиц эпоса близки к именам героев Библии. В Библии они звучат как Адрамелик и Санасар. В некоторых вариантах эпоса они таковы: Абаемелик и Санасар (Таронци Крпо), Санасар и Аслимелик (Апаранци Мурад), Аднамелик и Санасар (Манук Тороян).

Жизнь мифа в эпосе

Для мифолога достаточно указать связь сюжетов эпоса с мифом о братьях-близнецах (не забывая об историческом элементе этой линии). Но для эпосоведения важнее, какое место занял данный миф в эпосе, в какие новые связи вступил с эпическими элементами, какое новое содержание получил. С этой точки зрения отметим еще одну особенность первой ветви. Остов этой ветви, как мы видели – убийство братьями отца и бегство в Армению. Помним также, что этот сюжет сопрягся с мифом близнецов. Но в эпосе появился новый элемент – волшебное рождение братьев из полутора глотков воды. Это – древнейший мифический мотив. Ни в Библии, ни в книгах армянских историков нет этого эпизода. Таким образом, первая ветвь представляет собой некую «сборную» целостность, в которой достаточно гармонично соединяются мифы и реальные исторические события VII в. до н. э. Так мифы входят в эпос.

Проследим дальнейшие изменения сюжета, которые его связывают со средними веками. Вкратце их можно охарактеризовать так – образы мифических героев в эпосе получают нравственные акценты, которые совершенно не свойственны мифическим героям. Сначала отметим семейные привязанности. Братья заботятся друг о друге и о своей матери. Они проявляют рыцарское отношение к слабым и врагам. После разгрома противников мельничными жерновами Багдасар предлагает брату бросить эти жернова и уйти (Багдасар родился от полгорсти воды и поэтому не так разумен, как Санасар). Санасар объясняет, что жалко мельника, надо вернуть

ему камни. Мотив жалости к слабым не раз появляется в эпосе. Но самым показательным с этой точки зрения является эпизод женитьбы Санасара. Дочь царя, наслышанная о Санасаре, пишет ему письмо и предлагает ему жениться на ней. Санасар едет, видит у дворца седых стариков, которые тоже приходили просить руки красавицы. Но она всех превратила в стариков. Санасар, конечно, увозит красавицу-кудесницу, но до этого требует у неё вернуть молодость другим женихам. Красавица объясняет, что, если она вернет им молодость, они будут бороться с Санасаром. Но Санасар непоколебим. И все женихи получают прежний вид. Весь антураж эпизода мифологический. Но Санасар уже не мифический герой, а человек с твердыми моральными представлениями. Это отнюдь не значит, что мифические черты Санасара становятся чем-то формальным. Но они теперь выступают в другой среде, в другом контексте и воспринимаются как нечто эпическое. Таким путем все мифологическое преобразуется, входит в гармонические отношения с эпическим. Вот что я имею в виду, когда говорю о формировании эпоса.

В этом процессе важную роль играют религиозные мотивы. «Давид Сасунский» в целом не отличается особой религиозностью, как и подобает народному героическому эпосу. Но, с другой стороны, в средние века армяне уже были христианами и прошли достаточно долгий путь развития христианской культуры. А это означает, что все мифические, дохристианские мотивы тоже подверглись своего рода «христианизации». Это особенно ярко чувствуется в мифологических эпизодах первой ветви. Отец Цовинар упоминается как христианский король, а Багдадский халиф – как язычник. Зачатие Цовинар из воды – глубоко мифологический мотив – имеет свою параллель: непорочное зачатие Богородицы, и тем самым, осознанно или неосознанно, воспринимается в христианском ключе, особенно если помнить, что волшебный источник забил по велению Бога, к которому обратилась Цовинар. Все эти детали – невторостепенные украшения. Они принципиально меняют восприятие героев и их действий армянами – сказителями и слушателями.

Традиционное эпосоведение как раз и считало, что все перечисленное и неперечисленное – второстепенны. Главное то, что было до всего этого, до того, что я называю формированием эпоса. Абегян прямо пишет: «Так история нашего эпоса доходит до времен Хоренаци. И действительно, содержание этой ветви не что иное, как то, что сообщают Хоренаци и Товма Арцруни. Эпическое расширение и изменения, конечно, могут все время возникать в устах каждого сказителя, но они – второстепенные детали» [10, с. 483]. Но эпическое расширение и изменения и есть суть эпоса, и быть в устах сказителей – единственная форма бытия эпоса. Все это – второстепенные детали для мифов, но эпос – в первую очередь повествование, для которого и расширение, и изменения, и жизнь в устах сказителей – единственная форма их существования. Уже который раз мы сталкиваемся с тем, что исследователь, говоря об эпосе, по существу говорит о мифах, входящих в его состав.

Заключение

Из всего сказанного можно сделать несколько выводов. Первый – «Давид Сасунский» сформирован из разных элементов – мифы, влияние Библии, отзвуки антиарабской борьбы. Второй – формирование эпоса как целостного эпического произведения. Начало его не может быть датировано раньше начала антиарабской войны. Этот вывод должен быть дополнен следующим наблюдением. Если эпос тысячи лет существовал в устном состоянии, значит, все эти тысячи лет он менялся, развивался. С этой констатацией надо быть осторожным. Все сказители говорили о том, что они верно передают то, что получили от своих предков. И это они говорили искренне – для них эпос был чем-то священным, и они считали грехом менять его текст. Но в течение тысячи лет изменения происходили, и с этим нельзя не считаться. Вопрос в том, какие это были изменения? Вряд ли они кардинально меняли текст, его художественные и политические акценты. Во всяком случае, то, что нам рассказывают португальские путешественники, подтверждает, что в XVI в. очень многое в эпосе было так, как в последних записанных вариантах. В любом случае, тысячелетнее устное существование остается проблемой, с которой эпосоведение пока не справилось.

И, наконец, в процессе формирования эпоса получилось большое повествование о четырех поколениях сасунских героев. Появление всех других героев и сюжетов не что иное, как предистория эпоса. История Давида собирает вокруг себя все остальные сюжеты и остальных героев,

все преображенные мифы и создают это великое повествование о героях. Все сюжеты и мифы могли возникнуть в глубокой древности. Но история эпоса «Давид Сасунский» начинается с создания ветви Давида, в период вторжения арабов в Армению и антиарабской борьбы.

Литература

1. Эпос сербского народа. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 354 с.
2. Карпов А. Ю. Владимир Святой. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 464 с.
3. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
4. Azat Yeghiazaryan. Daredevils of Sasun: Poetics of an Epic. – Costa Mesa, California, 2008. – 254 p.
5. Камилла Тревер. Водный Антей армянского эпоса / Սասունցի Դավիթ, հորեյանական ժողովածու, նվիրված էպոսի 1000-ամյակին (Давид Сасунский. Юбилейный сборник, посвященный 1000-летию эпоса). – Ереван: Армфан, 1939. – 268 с. (на арм. языке).
6. Վ. Կյուլպենկյան, Հայ-պորտուգալական հարաբերություններ, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ., Երևան, 1986, ընդգծումն իմն է – Ա. Ե.: / В. Кюльпенкян. Армяно-португальские отношения. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1986. – 356 с. (на арм. языке).
7. Мовсес Хоренаци. История Армении / Пер. с древнеарм. языка, примечания Г. Саркисяна; ред. С. Аревшатян. – Ереван: Айастан, 1990. – 291 с.
8. Թովմա Արծրունի եւ Անանուն, Պատմութիւն տանն Արծրունեաց, Երևան, 2006, քննական բնագիրը, առաջաբանը և ծանոթագրությունները Մ. Հ. Դարբինյան-Մելիքյանի, էջ 137: / Товма Арцруни и Аноним. История дома Арцруни. Критический текст, предисловие и примечания М. Дарбинян-Меликян. – Ереван: Магахат, 2006. – 524 с. (на арм. языке).
9. Մանուկ Աբեղյան, Հայ վիպական բանահյուսություն, Երկեր, հ. Ա, Երևան, 1966 / М. Абегян. Армянский эпический фольклор. Труды. Т. 1. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1966. – 571 с. (на арм. языке).
10. հայերեն բնագիրը և ռուսերեն թարգմանությունը/, ՀՍՍՀ գիտությունների ակադեմիայի հրատ / История Анонимного Повествователя / оригинал и русский перевод. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1971. – 240 с. (на арм. и русс. языках).

References

1. Jepos serbskogo naroda [Serbian people's epic]. – М.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. – 354 s.
2. Karpov A. Ju. Vladimir Svjatoj [Saint Vladimir]. – М.: Molodaja gvardija, 2006. – 464 s.
3. Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar'. – М.: Sovetskaja jenciklopedija, 1987. – 752 s.
4. Azat Yeghiazaryan. Daredevils of Sasun: Poetics of an Epic. – Costa Mesa, California, 2008. – 254 p.
5. Kamilla Trever. Vodnyj Ante armjanskogo jeposa / Սասունցի Դավիթ, հորեյանական ժողովածու, նվիրված էպոսի 1000-ամյակին (David Sasunskij. Jubilejnyj sbornik, posvjashhenyj 1000-letiju jeposa). – Erevan: Armfan, 1939. – 268 s. (na arm. jazyke).
6. Վ. Կյուլպենկյան, Հայ-պորտուգալական հարաբերություններ, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ., Երևան, 1986, ընդգծումն իմն է – Ա. Ե.: / V. Kjulpenkjan. Armjano-portugal'skie otnoshenija [Armenian Portuguese relationships]. – Erevan: Izd-vo AN Arm. SSR, 1986. – 356 s. (na arm. jazyke).
7. Movses Horenaci. Istoriya Armenii [Armenian history] / Per. s drevnearm. jazyka, primechanija G. Sarkisjana; red. S. Arevshatjan. – Erevan: Ajastan, 1990. – 291 s.
8. Թովմա Արծրունի եւ Անանուն, Պատմութիւն տանն Արծրունեաց, Երևան, 2006, քննական բնագիրը, առաջաբանը և ծանոթագրությունները Մ. Հ. Դարբինյան-Մելիքյանի, էջ 137: / Tovma Arcruni i Anonim. Istoriya doma Arcruni [Artsruni house history]. Kriticheskij tekst, predislovie i primechanija M. Darbinjan-Melikjan. – Erevan: Magahat, 2006. – 524 s. (na arm. jazyke).
9. Մանուկ Աբեղյան, Հայ վիպական բանահյուսություն, Երկեր, հ. Ա, Երևան, 1966 / М. Abegjan. Armjanskij jepicheskij fol'klor [Armenian epic folklore]. Trudy. T. 1. – Erevan: Izd-vo AN Arm. SSR, 1966. – 571 s. (na arm. jazyke).
10. հայերեն բնագիրը և ռուսերեն թարգմանությունը/, ՀՍՍՀ գիտությունների ակադեմիայի հրատ / Istoriya Anonimnogo Povestvovatelja [History of anonymous narrator] / original i russkij perevod. – Erevan: Izd-vo AN Arm. SSR, 1971. – 240 s. (na arm. i russ. jazykah).

